

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

О КАЧЕСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Гуманитарность, гуманитарное знание по мере того, как мы вдумываемся в него и подвергаем осмыслению, все более предстает в качестве особого типа знания, органической части специфического типа культуры — гуманитарной культуры. Гуманитарное знание определяется не по предмету. Искусствоведение или, скажем, история вполне могут быть не гуманитарными. Гуманитарное знание — это знание-включение, знание-диалог, знание-переживание. Оно обязательно соотносится с человеческой душой и человеческим сознанием. Сегодня анализ этого знания важен ввиду засилья технократизма и прагматизма в современной цивилизации.

Гуманитарное знание — мощная самостоятельная традиция в истории духа. Ее от-

крывает Сократ, когда он говорит о знании-незнании, когда настаивает на том, что знание должно быть пропущено через ум и душу человека, проверено его живым мышлением. Призывая современников вглядываться в себя, Сократ открывает в человеке личностную бездну.

Важнейшим этапом становления гуманитарного знания стало учение Платона о мире идей как духовном содержании реальности. Великая мысль Платона о том, что подлинное знание есть припоминание, содержит в себе важнейшую характеристику гуманитарности.

Основополагающими видятся сегодня идеи романтиков конца XVIII — начала XIX веков, интерес к которым растет. Романтики

обратили внимание на особую роль художественно-эстетического начала в познании. Они показали, что художественное, непонятное постижение реальности не частный момент, а универсальное, базовое отношение человека к миру.

Ф. Ницше, В. Дильтей, Г. Зиммель («философия жизни») осознали качественное отличие гуманитарного познания от познания сциентистского типа. Гуманитарность была истолкована как процесс живого переживания жизни, целостного постижения реальности, понятой как полнота развертывания потенциальных сил бытия.

Качественно новый шаг совершает феноменология Э. Гуссерля. Обращается внимание на необходимость погружения в поток сознания, усмотрения сущностных истин в структурах самого мышления. Представляется, что перед нами глубокое понимание именно специфики гуманитарного знания.

Необходимо отметить фундаментальный опыт экзистенциализма, который за исходное берет глубинное переживание человеком начальных структур реальности и категории которого (страх, отчаяние, забота) как раз и выражают постижение человеком этих предельных условий и предпосылок человеческого существования.

Гуманитарность как живое познание, имеющее непосредственный смысложизненный характер, определяет неотъемлемое условие полноценного существования человека. Трагедия школы, о которой мы постоянно говорим, в том, что там нет живого соприкосновения знания с человеком, нет (за редким исключением) знания как фактора жизни, человеческой души и человеческого сердца, знания как способа реального включения своих потенциалов, сущностных сил в стихию бытия, в стихию осуществляющейся реальности. А значит, нет и смысла для постижения и изучения, для узнавания, для переживания.

Философия XX века вслед концепциям «философии жизни» открыла, что гуманитарное знание, в отличие от знания сциентистского, прокладывающего путь к сущности, есть знание-истолкование, знание герменевтическое. Но прежде чем интерпретировать, гуманитарность распаивает поле будущего постижения, создает пространство предчувствия и предощущения познаваемого, эмоционального включения в проблему. Это включение вбирает в себя всю полноту ду-

ховно-творческих способностей человека: эстетические, этические, волевые, собственно познавательные акты. Это прекрасно понимали русские славянофилы, в частности А. С. Хомяков.

Особое место занимает искусство, художество — оно как бы адекватная форма гуманитарного знания. Художественное знание обладает особыми, лишь ему одному присущими свойствами. Именно оно есть подлинное знание-эмоция, знание-диалог, знание-переживание. Художество имеет дело с интимными пластами реальности, оно обращено ко всему человеческому в человеке. Поэзия, скажем, это не просто «стихи». Она — истинное, совершенное знание, она выявляет главные смыслы бытия, она хранит эти смыслы, оберегает их во всей их первозданности и преломляет в поэтическом слове. И если Мартин Хайдеггер, доказывая это, опирается на опыт Гельдерлина, Рильке, Тракля, то у нас, россиян, есть целая вселенная постижения реальности в поэтической стихии: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Блок... Кроме того, (и это, может быть, главное) поэзия — субъективное знание, мир, пережитый мной и никем другим. Вообще, гуманитарное знание есть знание «субъективно-объективного типа». Здесь внешнее не просто сливается с внутренним, оно становится внутренним. Фридрих Ницше подчеркивал, что истина субъективна, она то, что я сам нашел и понес на своих плечах. В искусстве это выступает наиболее реально. В чем величие, скажем, Блока? В мощном, индивидуально-личностном, экзистенциальном переживании реальности. Поэтому у нас есть любимые и нелюбимые поэты.

Чем дальше, тем яснее становится, что мощной формой гуманитарности является религия. Возможно, что религиозная вера — высший тип того, что в условиях светского мировоззрения мы называем гуманитарностью. Наш путь возвращения к религиозному сознанию, по крайней мере, к осознанию его духовного значения, только еще начинается. Многого еще не видно, многое надо заново оформлять в понятиях и категориях. Но, углубляясь в тексты русских религиозных философов, мы уже чувствуем, какой богатейший опыт знания и переживания заложен там, как зримо меняется картина мира, оживленная религиозным началом. Как много поводов дает религия для размышлений над спецификой гуманитарного знания.